

ОЦЕНКА ИЗМЕНЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА МЕСТАХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблемы истории Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны и изменения государственно-церковных отношений сегодня, когда в России формируется новая модель взаимоотношений государства и Церкви, приобрели особую актуальность. Весьма важно на основе изучения положения и деятельности Русской православной церкви в советском обществе в 1941–1945 гг. сделать обоснованные выводы, извлечь уроки, сформулировать научно-практические рекомендации, которые можно использовать для дальнейшего развития отечественной исторической науки и в целях совершенствования государственно-церковных отношений. Цель исследования – выявить реакцию на изменение государственно-церковных отношений на местах, в различных слоях советского общества.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Государственного архива Российской Федерации. Особое место занимают отчеты правящих архиереев, воспоминания современников. Методологический потенциал включает сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет сопоставить довоенную политику советского государства в отношении религиозных организаций с политикой, проводившейся в годы Великой Отечественной войны; статистический метод, значимость которого очевидна для анализа данных, связанных с открытием храмов в военные годы.

Результаты. Исследовано отношение на местах со стороны советско-партийных органов, духовенства и верующих, различных слоев советского общества к изменению государственно-церковных отношений. Проанализировано соотношение официальной политики и пропаганды с конкретным воплощением государственной церковной политики.

Выводы. Анализируя проведение государственной политики в отношении духовенства и верующих, необходимо признать, что в одних случаях допускалось грубое нарушение законности и оскорбление религиозных чувств верующих, их запугивание, в других случаях наблюдалась готовность к удовлетворению всех требований верующих, духовенства и религиозных групп и обществ, привлечение представителей церкви к участию в совещаниях местных органов власти. Местное руководство было дезориентировано после 25 лет атеистической пропаганды, им были непонятны причины столь радикальной смены курса в отношении религии и церкви. Узнавая о фактах незаконных действий по отношению к верующим, руководство Совета по делам РПЦ требовало от местных руководителей наказывать виновных. Борясь с противоправными действиями в отношении верующих со стороны отдельных руководителей, чиновники Совета по делам Русской православной церкви следили за

тем, чтобы местные органы власти не ударились в противоположную крайность и не стали помогать верующим в их нуждах.

Ключевые слова: Русская православная церковь, патриотическая деятельность, государственно-церковные отношения, поместный собор.

V. N. Yakunin

THE ESTIMATION OF CHANGES IN STATE-CHURCH RELATIONS AT THE LOCAL LEVEL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract.

Background. The problems of the history of the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War and changes in state-church relations today, when a new model of relations between the state and the Church are being formed in Russia, have acquired particular relevance. It is very important on the basis of studying the situation and activities of the Russian Orthodox Church in Soviet society in 1941–1945 draw valid conclusions, learn lessons, formulate scientific and practical recommendations that can be used to further develop domestic historical science and to improve state-church relations. The purpose of the study is to identify the reaction to changes in state-church relations on the ground, in various layers of Soviet society.

Materials and methods. The implementation of research tasks was achieved through the use of documents extracted from the funds of the State Archive of the Russian Federation. A special place is occupied by the reports of the ruling bishops, the memoirs of contemporaries. The methodological potential includes: a comparative historical method, the application of which allows you to compare the pre-war policy of the Soviet state in relation to religious organizations, with the policy carried out during the Great Patriotic War; a statistical method, the significance of which is obvious for the analysis of data related to the opening of temples in the war years.

Results. The attitude on the part of the Soviet-party bodies, the clergy and believers, various strata of Soviet society towards a change in state-church relations is investigated. The correlation of official politics and propaganda with the concrete embodiment of state church policy is analyzed.

Conclusions. Analyzing the implementation of state policy in relation to the clergy and believers, it is necessary to recognize that in some cases a gross violation of the law and an insult to the religious feelings of believers and their intimidation were allowed. In other cases, there was a readiness to meet all the requirements of believers, clergy and religious groups and societies, and attracting church representatives to participate in meetings of local authorities. The local leadership was disoriented after 25 years of atheistic propaganda, they did not understand the reasons for such a radical change of course in relation to religion and the church. Learning about the facts of illegal actions against believers, the leadership of the Council for the ROC demanded that local leaders punish the guilty. Struggling against unlawful actions against believers by individual leaders, the officials of the Council for the ROC Affairs ensured that local authorities did not hit the opposite extreme and did not help believers in their needs.

Keywords: Russian Orthodox Church, patriotic activity, state-church relations, local cathedral.

Организация Совета по делам Русской православной церкви (РПЦ) при СНК СССР с аппаратом уполномоченных, восстановление патриаршества и Священного Синода, патриотическая деятельность духовенства и верующих, разрешение открытия церквей и молитвенных домов среди многих руководящих работников местных советских органов вызывали «ряд недоуменных, неясных вопросов» и непонимание причин указанных мероприятий. На местах это приводило к ошибкам и неправильным действиям в практических вопросах между государством и церковью. Многочисленные нарушения прав верующих на Украине дали повод председателю Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпову обратиться с письмом к Н. С. Хрущеву, в котором он писал, что «уполномоченный Совета по делам РПЦ при СНК УССР Ходченко и уполномоченные при облисполкомах несвоевременно и иногда недостаточно оперативно реагируют на эти факты, в результате чего всякого рода грубые выпады по отношению к духовенству и верующим продолжают иметь место». Г. Г. Карпов просил Хрущева «дать указания облисполкомам республики о прекращении противозаконных действий, оскорбляющих верующих, и о необходимости согласования мероприятий в отношении церкви с уполномоченными» [1].

Вместе с тем Г. Г. Карпов наставлял своих подчиненных, что с духовенством и прежде всего с епископами нужно иметь нормальные взаимоотношения: «Вы должны понять, что многое зависит от Ваших личных отношений. У вас не должно быть панибратства, но у вас не должно быть пренебрежительного или грубого отношения к духовенству». Г. Г. Карпов инструктировал уполномоченных поздравлять епископа с его датами, «ведь он вас поздравляет с 1 мая и 7 ноября» [2]. Заведующий отделом по делам Центрального управления церкви Совета по делам РПЦ Г. Т. Уткин прямо рекомендовал уполномоченным иногда посещать епископа, «тем более, архиереи большей частью старики, за 70–80 лет... то, что вы выпьете чаю или даже вина, в этом ничего предосудительного нет, но нужно, чтобы не было выпито ничего лишнего» [3].

Но на местах руководители с трудом готовы были изжить сложившиеся стереотипы. В Винницкой области председатель Погребищанского райисполкома на проводимых им совещаниях с председателями сельсоветов и колхозов прямо призывал последних к грубым формам администрирования по отношению к духовенству и верующим: «Сейчас как никогда мы должны вести антирелигиозную агитацию. Эти гадюки-попы нам мешают работать, это кубло надо уничтожить» [4]. В результате кое-где на местах самостоятельно и незаконно начали закрывать церкви, изымать церковное имущество, допускать грубые и хулиганские выходки в отношении духовенства, например, могли выбросить из церкви иконы и культовую утварь, отобрать ключи от церкви, взломать церковные замки, в алтарь храма войти вместе с женщинами, разогнать крестный ход и отобрать у верующих иконы [5]. В Татарской АССР председатель Больше-Фроловского сельсовета Буинского района Тарасов угрожал верующим тюрьмой за постановку вопросов об открытии церкви и создании церковной общины, аналогичный случай зафиксировали в Новосибирской области [6]. Проводившаяся 25 лет антирелигиозная работа давала о себе знать еще долгие-долгие годы. В Курской области заместитель председателя Льговского райсовета Захаров зашел в церковь в головном уборе, на

него пожаловались уполномоченному. В присутствии заместителя председателя облисполкома уполномоченный сделал выговор Захарову, но он все равно считал, что поступил правильно, «так как в церкви был 1 ктитор и чтобы тот не подумал, что он верующий, не снял шапку... Советская власть 25 лет учила не признавать религию, а теперь вдруг надо менять свое отношение к церкви» [7]. В Винницкой области председатель сельсовета с. Медведка Калиновского района во время богослужения сделал выстрел возле церкви, после чего в головном уборе и с папироской вошел в церковь, предложил священнику немедленно прекратить богослужение и здесь же выписал для него повестку о мобилизации на уборочную [8]. В Потиевском районе Житомирской области местные руководители закрыли церковь, при этом сломали иконостас и некоторые иконы, угрожая возмущенным верующим арестом [9].

Все вышеперечисленные случаи взяты из отчетов уполномоченных в Совет по делам РПЦ, положительным является уже то, что они фиксировались, признавались недопустимыми и по каждому из них велась работа, проводились проверки, информировалось руководство союзных и автономных республик, краев и областей СССР.

Другие партийно-советские работники, и их было большинство, пребывали в растерянности от изменения государственно-церковных отношений, не знали, как в определенных обстоятельствах поступать, как реагировать. Уполномоченный Совета по делам РПЦ по УССР П. С. Ходченко докладывал о таких фактах: «Отдельные местные органы не уяснили себе ясной политики Советской власти в вопросах по отношению к религии и церкви, считая что все это временное явление, с чем можно и не спешить» [10]. В Бобруйской области уполномоченный Совета Шеленговский вопрошал своих начальников: «Я плохо ориентируюсь, как понять политику теперь, стать ли на линию расширения церковей или же сжатия. Я сам понимаю, что не наша задача растить церковь, в соответствии с этим надо проводить массовую разъяснительную работу по партийной линии, сводить к тому, чтобы количество церковей не увеличивалось, а уменьшалось. Но в данное время у меня сложилось впечатление, что церковь должна укрепляться» [11]. Рабочий кабинет Шеленговского располагался в здании напротив одной из бобруйских церковей, но, по его же собственным словам, «он туда ни разу не ходил, как будто неудобно, а интересно поглядеть... стоит ли ходить в церковь?» – вопрошал он своих руководителей [12]. В Тульской области председатель колхоза «Красная Нива» Поздняковского сельсовета Тарусского района П. П. Самохин, имея общественную нагрузку агитатора, вопрошал отдел пропаганды и агитации Тульского обкома партии, не в силах понять причины изменения государственно-церковных отношений и открытия церковей и какими обстоятельствами это вызвано – «по предложению наших союзников или нашего правительства, или просто это вымысел и болтовня чуждых людей для подрыва нашего государства» [13].

Многие верующие пытались разобраться в действительных намерениях советского руководства. Судя по документам, характеризующим настроения верующих, «советская власть вмешивается в церковные дела, а церковная власть подслуживается советской власти. Современные факты бытия РПЦ расцениваются как уступка военной стихии и международному вмешательству» [14].

ву, а поэтому замечается крайняя осторожность интеллигентных верующих выступать активно в церковной жизни. Все ждут послевоенных итогов» [14].

Мотивы отказа в открытии церкви или молитвенного дома были самыми разнообразными, вплоть до казусных. Вот что заявил верующим работник райисполкома г. Боровичи Новгородской области: «Церкви мы вам открывать не будем, так как церкви открывают только в крупных городах, где есть послы иностранных государств и где нужны деньги, а у нас в районе послов нет, деньги у нас есть, и поэтому церкви мы открывать не будем» [15]. Преобладающим же мотивом отказа являлось то обстоятельство, что здание занято под склад, зернохранилище и прочие хозяйственные нужды [16]. В декабре того же года Совет предупредил местные органы, что он будет входить в правительство с представлением об отмене подобных решений [17].

Уже в первые месяцы войны в СССР началось активное движение за открытие храмов. Верующие просили для себя возможность молиться за погибших на фронте и за победу над фашизмом [18]. Уполномоченные Совета писали о распространенных среди верующих слухов о том, будто бы советское правительство берет на себя обязанности по восстановлению и ремонту церквей, что правительство будет содержать священников и других церковнослужителей, снабжать стройматериалами церкви [19].

11 февраля 1945 г. в с. Тепловка Пестравского района в доме колхозника Иосифа Садчикова было созвано собрание верующих, на котором присутствовало 200 человек. На собрание был приглашен председатель исполкома сельсовета Домнышев, который организовал читку газет о работе Поместного собора. С ведома того же председателя 25 февраля было созвано вторично собрание верующих, на котором присутствовало 165 человек. Собрание вынесло решение об избрании уполномоченных по ходатайству об открытии церкви [20]. Подобные явления наблюдались и в других регионах страны.

Процедура между первой подачей прошения об открытии храма и его окончательным одобрением занимала в среднем от 1 года до 3 лет. В то же время затягивание вопросов об открытии церковью рассматривалось Советом по делам РПЦ как недостаток в работе уполномоченных [21].

Уполномоченный по Ворошиловградской области Дубовой сам ходил на прием к председателю облисполкома с ходатайством об открытии церкви в с. Верхнем. Когда в с. Бахмутовка к председателю райисполкома пришел священник, назначенный в местную церковь, и получил в ответ «вы, православная банда, больше ко мне не являйтесь», то Дубовой провел с ним беседу, и дело дошло до того, что он заплакал, заявив: «Я никогда больше так не буду» [22]. Случалось, что сотрудники НКВД ограждали верующих от хулиганских выходок [23].

Далеко не всегда уполномоченные Совета и сотрудники НКВД и НКГБ вставали на защиту верующих. Зачастую они сами нарушали их права. Почти повсеместно уполномоченные доносили в органы о каждом «подозрительном» факте [24]. В Ульяновской области уполномоченный Карташев не нашел общий язык с местным управлением НКВД, от сотрудников которого «взаимного совета или необходимых данных получить не мог» [25]. В Красноярском крае и г. Набережные Челны ТАССР чекисты пытались разложить группы верующих, ходатайствующих об открытии храмов, а в Красноярском крае применяли к ним «меры принуждения и воздействия» (допросы, угрозы

и т.д.), вынуждали их отказаться от своих подписей. Работники НКВД перехватывали там даже письма верующих с просьбами об открытии церковей к местному уполномоченному Лаксенко, перлюстрировали их. Они требовали от Лаксенко согласовывать с ними все вопросы, так как «председатель исполкома крайсовета лишь только формально скрепляет своей подписью заключения, наши же указания по этим вопросам являются обязательными». Как результат – незначительное поступление заявлений об открытии церковей и процветание «широко развитой нелегальной религиозной деятельности» [26].

Во многих областях уполномоченные встречались с правящим архиереем регулярно, 4–5 раз в месяц, причем инициатива исходила как с той, так и с другой стороны. В беседах обсуждались заявления верующих об открытии церковей, налоговые и хозяйственные вопросы. Почти во всех республиках страны уполномоченные Совета давали «указания о проведении патриотической работы среди верующих духовенством путем чтения обращения патриарха и усиления сбора средств в Фонд обороны» [18].

Рабочие отношения между уполномоченными и представителями Русской православной церкви складывались не везде. Находящийся в Кабардино-Балкарской АССР инспектор Совета по делам РПЦ Митин отмечал о местном уполномоченном Тиуновым, находившимся ранее на антирелигиозной работе, следующее: «...действующее законоположение о церквях и данные мною разъяснения о порядке их применения в практической работе воспринимались с трудом» [27].

Бывший активист Союза воинствующих безбожников Б. П. Кандидов в докладной записке секретарю ЦК А. А. Жданову резко критиковал новый курс государства в отношении Церкви и деятельность Совета по делам Русской православной церкви, писал о «самоуспокоенности» властей, тогда как, по его мнению, была нужна решительная борьба с «церковниками». Духовенство характеризовалось им как «опорная точка контрреволюционной разведки», как «бывшие люди». Патриотическая деятельность Церкви объявлялась им всего лишь «саморекламой и обманом». Священнослужители, по мнению Б. Кандидова, лишь наживались за счет верующих, поэтому он считал нужным увеличить их налогообложение. Опасаясь дальнейшего усиления влияния Церкви на общество и особенно на молодежь, он предлагал вновь начать решительную борьбу с религией и Церковью. Свои предложения Б. Кандидов обосновывал тем, что якобы «религиозные обычаи и обряды приносят непосредственный вред народному здоровью, так как способствуют распространению сифилиса, туберкулеза, брюшного тифа и других заразных болезней» [28].

В архивах встречаются факты помощи самих уполномоченных, чаще всего не преднамеренной, Церкви. Так, в г. Иванове уполномоченный Виноградов неоднократно требовал назначить епископа и даже сам рекомендовал назначить на эту должность настоятеля Успенского собора г. Владимира Фестинатова, хотя он не мог не понимать, что ходатайства об открытии церковей от этого увеличатся, как и повысится церковная активность [29]. В Ленинградской области уполномоченный Кушнарев мог запросто отправить духовных лиц в командировку, нередко сам ездил в командировки с управляющим епархией архиепископом Григорием, направлял последнему заявления верующих об открытии церковей и просил его заключение по этим хода-

тайствам. Как правило, Кушнарев регистрировал всех назначенных архиепископом Григорием священнослужителей [30]. Впрочем, в том же Ленинграде советские финорганы действовали независимо от уполномоченного: совершали обходы церквей, «подглядывали, подслушивали», тайно опрашивали прихожан, подсчитывали записки, таким образом унижая духовенство в глазах верующих. Случались и совсем казусные ситуации: священник сдавал деньги в фонд обороны, а в финотделе учиняли допрос, где он их взял [31]. Надо признать, что такие случаи были скорее исключением из правил, чем системой.

Нередко верующие относились к уполномоченным как к представителям Церкви, а не государства, полагая, «что раз это уполномоченный по делам РПЦ, так это от Святейшего Синода и от епископа... а туда мы всегда жертвуем, чем можем, и недовольны тем, что не сумели отблагодарить». Были факты, когда верующие приносили уполномоченным не только деньги, но и продукты с просьбой ускорить открытие той или иной церкви, приводя поговорку «сухая ложка рот дерет» [32]. Фиксировались случаи взяток со стороны верующих как представителям местных органов власти, так и уполномоченным за то, что они добьются положительного решения на открытие церкви (г. Чкалов, Ростов) [33]. Уполномоченный Совета по Одесской области Забудский при содействии духовенства получил и отремонтировал квартиру, а уполномоченные по Винницкой и Сталинской областям участвовали в попойках с духовенством. Возглавлявший инспекторскую группу Совета И. И. Иванов писал о таких фактах: «Позорно для наших работников, когда они будут брать взятки и участвовать в попойках с духовенством. Это предел падения, таких людей на работе держать нельзя» [34].

На представителей Совета по делам РПЦ и уполномоченных зачастую смотрели как на неких арбитров во внутрицерковных спорах, которые смогут урегулировать различные конфликты, как, например, в Чкаловской области между протоиереем Архангельским и правящим епископом Мануилом (Лемешевским) [35].

Были случаи, когда уполномоченные вмешивались во внутрицерковные отношения, пытались с помощью правящего архиерея сместить тех или иных духовных лиц, ссылаясь при этом на их поведение, как это было в Новосибирской епархии. В Совете указывалось на недопустимость подобных действий [36].

Уполномоченные Совета фиксировали факты, когда сельсоветы и их руководящий состав брали на себя инициативу созыва собраний верующих по вопросам открытия церквей и выборам церковных советов и для таких собраний предоставляли помещения советских и культурных организаций (клубов, изб-читален и т.п.), выдавали общинам верующих разного рода справки об открытии церквей, местные советские органы разрешали незарегистрированным священникам совершать религиозные требы и богослужения в домах верующих, восстанавливать бывшие церковные советы закрытых церквей и с ними поддерживали связь как с представителями верующих, т.е. фактически легализовали религиозную общину без предварительной регистрации общины у уполномоченного Совета по делам РПЦ. Случалось, что руководители местных органов власти разрешали верующим открывать церкви и оказывали им содействие в предоставлении помещений для церковных

служб [37]. Уполномоченные отмечали, что на местах «в одних случаях допускается грубое нарушение законности и религиозных чувств верующих, в других – проявление готовности к удовлетворению всякого рода незаконных притязаний религиозных организаций, привлечение представителей церкви к участию в деловых советских совещаниях» [38].

Когда Ворошиловградский епископ Никон приехал с пастырским визитом в Мариуполь, там его встретили руководители города по главе с секретарем горкома партии. Он не был с ними знаком, и, если бы его не предупредили, он «хотел подпустить их под благословение». Руководство города предоставило епископу легковой автомобиль на четыре дня [39].

В Кировской области в качестве ходатаев за открытие церковью выступили три председателя колхоза, они собрали свыше 700 подписей верующих в обращении на имя М. И. Калинина и заверили их колхозными печатями [40].

В Молотовской области председатель Лапшинского сельсовета Черновского района Шадрин дал письменное указание общине верующих провести собрания в селе Чернухи и деревнях Лапшины, Богодуны и Арташаны, на этих собраниях написать заявление об открытии церкви в селе Чернухи, запротоколировать это и избрать церковный совет. После проведенных мероприятий Шадрин заверил документы своей подписью, поставил печать сельсовета и отправил в Черновский райисполком, в котором также не были против открытия церкви, документы на ее открытие отправили в облисполком. Это послужило причиной совместного инструктивного письма председателя облсовета и уполномоченного на имя председателей городских и районных исполкомов и председателей колхозов, в котором тем запрещалось проводить прием и оформление заявлений от верующих об открытии церковью, выдачу справок, передачу культового имущества и проведение собраний и выборов без официального разрешения уполномоченного [41].

В Куйбышевской области председатель исполкома Колдыбанского сельсовета Домненко в помещении сельсовета созвал собрание верующих, на котором присутствовало до 150 человек. На собрании были избраны церковный совет и уполномоченные по ходатайству об открытии церкви. Такие же собрания верующих с теми же вопросами созывались в с. Томилово Чапаевского района, Заплавное Борского района, Большая Черниговка того же района и других селах. 11 февраля 1945 г. в с. Тепловка Пестравского района в доме колхозника Иосифа Садчикова было созвано собрание верующих, на котором присутствовало 200 человек. На собрание был приглашен председатель исполкома Тепловского сельсовета Домнышев, который организовал читку газет о работе Поместного собора Русской православной церкви, с ведома того же председателя было созвано вторично собрание верующих 25 февраля 1945 г., на котором присутствовало 165 человек. Собрание вынесло решение об избрании уполномоченных по ходатайству об открытии церкви [42]. В селе Верхнее Санчелеево Ставропольского района Куйбышевской области в декабре 1943 г. председателем сельсовета Сорокиным в избе-читальне было созвано собрание верующих села, на котором был предпринят вопрос об открытии церкви и выбран уполномоченный общины П. Л. Соколов, который организовал сбор тысячи подписей верующих [38].

В Ленинградской области уполномоченный отмечал «заботу и попечительство отдельных местных работников исполкомов районных и городских

Советов депутатов трудящихся, выражающееся в том, что верующие по предложению работников райисполкома собирали подписи об открытии церквей». По трем районам было собрано 2250 подписей, по двум сельсоветам – 500. Председатели ряда сельсоветов заверяли подписи членов церковной «двадцатки» и направляли эти списки для регистрации религиозных общин. В Лужском районе сельсоветом была выдана справка о рождении ребенка и на ней резолюция, что крестить его «со стороны сельсовета препятствий не встречается». В том же районе председатель одного из сельсоветов и местный протоиерей подписали телеграмму, в которой просили благословения митрополита Алексия (Симанского) на служение обедни в их церкви [43]. Председатель исполкома Гатчинского горсовета Игнатьев на собраниях верующих по открытию церквей посылал своих представителей. Для духовенства им выписывались газеты через горком партии. Ленинградский обком партии указал на недопустимость подобных действий, и тогда впали в другую крайность: отобрали у священников и церковных служащих все продуктовые карточки, а священникам стали запрещать абсолютно все требы на дому у верующих [44].

Председатели некоторых сельсоветов в Ставропольском крае обращались к духовенству с просьбами выступить в церквях с проповедями по поводу повышения трудовой дисциплины в колхозах [45].

В станице Голубинской Калачевского района на основании устного разрешения заместителя председателя Калачевского райисполкома Олейникова и письменного разрешения председателя Голубинского сельсовета в апреле 1944 г. начал функционировать молитвенный дом, службы в котором проводил незарегистрированный священник с разрешения председателя местного сельсовета [46].

В Куйбышевском районе Татарской АССР отдельные председатели сельсоветов разрешали открытие церковных зданий и совершение служб «к церковным праздникам сел» [47].

Узнавая о фактах незаконных действий по отношению к верующим, председатель Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г. Г. Карпов требовал от местных руководителей наказывать виновных. Председателю Новосибирского облисполкома Гришину он разъяснял, что «верующие – это те же рабочие, служащие, колхозники, патриотизм которых ни у кого не вызывал сомнений и недоумений» [48]. На совещании уполномоченных Совета по делам РПЦ, проходившем 20–21 сентября 1944 г. в Новосибирске, в качестве первоочередной ставилась задача «сохранить нормальные отношения церкви и государства и улучшить их на пользу нашей Родине» [49].

Борясь с противоправными действиями в отношении верующих со стороны отдельных руководителей, чиновники Совета по делам РПЦ следили за тем, чтобы местные органы власти не ударились в противоположную крайность и не стали помогать верующим в их нуждах.

Анализируя проведение государственной политики в отношении духовенства и верующих, необходимо признать, что в одних случаях допускалось грубое нарушение законности и оскорбление религиозных чувств верующих, их запугивание. Имелись отдельные факты, когда представители местных советских органов угрожали верующим и их уполномоченным судом, расстрелом и арестом, запугивали НКВД, а по поводу желания верующих хода-

тайствовать об открытии церквей некоторые советские работники заявляли «это вы контрреволюционное дело затеваете». В других случаях – «проявление готовности к удовлетворению всяких незаконных притязаний и требований верующих, духовенства и религиозных групп и обществ, привлечение представителей церкви к участию в деловых советских совещаниях». Сельсоветы и их руководящий состав в некоторых областях СССР брали на себя инициативу созыва собраний верующих по вопросам открытия церквей и для этих собраний предоставляли помещения советских и культурных организаций (клубов, изб-читален и т.п.), они же разрешали незарегистрированным священнослужителям совершать религиозные требы и богослужения в домах верующих, восстанавливать церковные советы закрытых церквей, т.е. фактически легализовали религиозную общину без ее регистрации у уполномоченного Совета по делам РПЦ [38, 50].

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 10. Л. 131–133.
2. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 27. Л. 50.
3. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 27. Л. 83.
4. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 27. Л. 37.
5. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 8. Л. 46 ; Д. 12. Л. 145 ; Оп. 2. Д. 13. Л. 159.
6. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9. Л. 67, 93.
7. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 8. Л. 51.
8. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 10. Л. 131.
9. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 10. Л. 133.
10. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 27. Л. 36.
11. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 27. Л. 17.
12. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 27. Л. 19.
13. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 14. Л. 16.
14. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 11. Л. 47.
15. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 52. Л. 12.
16. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 8. Л. 28.
17. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.
18. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 12. Л. 34.
19. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 153.
20. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.
21. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 30. Л. 8.
22. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 27. Л. 33.
23. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 36. Л. 35, 36.
24. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 15. Л. 92–95.
25. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 35. Л. 38–59.
26. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9. Л. 67 ; Д. 34. Л. 117–119.
27. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 1–4, 10–15, 51, 84, 116.
28. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 313. Л. 52–149.
29. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 12. Л. 72.
30. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 12. Л. 162–166.
31. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 12. Л. 184, 185.
32. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 1–4.
33. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 64 ; Д. 35. Л. 60–68.
34. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 27. Л. 46.

35. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 35. Л. 60–68.
36. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 34. Л. 120.
37. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9. Л. 35, 69, 179 ; Д. 8. Л. 71.
38. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.
39. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 10. Л. 165.
40. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 23.
41. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 36. Л. 67.
42. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 12. Л. 121.
43. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 12. Л. 149.
44. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 34. Л. 180.
45. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.
46. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9. Л. 35.
47. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9. Л. 69.
48. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9. Л. 178.
49. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 6. Л. 28.
50. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9. Л. 179.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. F. 6991. Op. 1. D. 10. L. 131–133. [In Russian]
2. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 27. L. 50.
3. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 27. L. 83.
4. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 27. L. 37.
5. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 8. L. 46; D. 12. L. 145; Op. 2. D. 13. L. 159.
6. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 9. L. 67, 93.
7. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 8. L. 51.
8. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 10. L. 131.
9. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 10. L. 133.
10. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 27. L. 36.
11. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 27. L. 17.
12. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 27. L. 19.
13. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 14. L. 16.
14. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 11. L. 47.
15. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 52. L. 12.
16. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 8. L. 28.
17. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 7. L. 22.
18. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 12. L. 34.
19. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 13. L. 153.
20. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 4. L. 1.
21. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 30. L. 8.
22. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 27. L. 33.
23. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 36. L. 35, 36.
24. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 15. L. 92–95.
25. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 35. L. 38–59.
26. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 9. L. 67; D. 34. L. 117–119.
27. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 16. L. 1–4, 10–15, 51, 84, 116.
28. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of social and political history]. F. 17. Op. 125. D. 313. L. 52–149. [In Russian]
29. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 12. L. 72.
30. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 12. L. 162–166.
31. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 12. L. 184, 185.

32. *GARF*. F. 6991. Оп. 2. D. 16. L. 1–4.
33. *GARF*. F. 6991. Оп. 2. D. 16. L. 64; D. 35. L. 60–68.
34. *GARF*. F. 6991. Оп. 1. D. 27. L. 46.
35. *GARF*. F. 6991. Оп. 2. D. 35. L. 60–68.
36. *GARF*. F. 6991. Оп. 1. D. 34. L. 120.
37. *GARF*. F. 6991. Оп. 1. D. 9. L. 35, 69, 179; D. 8. L. 71.
38. *GARF*. F. 6991. Оп. 1. D. 7. L. 7.
39. *GARF*. F. 6991. Оп. 1. D. 10. L. 165.
40. *GARF*. F. 6991. Оп. 2. D. 16. L. 23.
41. *GARF*. F. 6991. Оп. 1. D. 36. L. 67.
42. *GARF*. F. 6991. Оп. 1. D. 12. L. 121.
43. *GARF*. F. 6991. Оп. 2. D. 12. L. 149.
44. *GARF*. F. 6991. Оп. 1. D. 34. L. 180.
45. *GARF*. F. 6991. Оп. 1. D. 7. L. 8.
46. *GARF*. F. 6991. Оп. 1. D. 9. L. 35.
47. *GARF*. F. 6991. Оп. 1. D. 9. L. 69.
48. *GARF*. F. 6991. Оп. 1. D. 9. L. 178.
49. *GARF*. F. 6991. Оп. 1. D. 6. L. 28.
50. *GARF*. F. 6991. Оп. 1. D. 9. L. 179.

Якунин Вадим Николаевич

доктор исторических наук, профессор,
проректор Поволжского
государственного университета сервиса
(Россия, г. Тольятти, ул. Гагарина, 4)

E-mail: vadyak@mail.ru

Yakunin Vadim Nikolaevich

Doctor of historical sciences, professor,
vice-rector of Volga Region State
University of Service (4 Gagarina street,
Togliatti, Russia)

Образец цитирования:

Якунин, В. Н. Оценка изменений государственно-церковных отношений на местах в годы Великой Отечественной войны / В. Н. Якунин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (54). – С. 75–86. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-9.